

VI.

ЭПОХА ЗАРА-ЯКОБА.

XV вѣкъ — время наибольшаго могущества эіопскаго царства, было въ то же время ознаменовано попытками очистить собственными средствами церковную и общественную жизнь отъ послѣдствій одичанія и огрубѣнія нравовъ. Попытки эти шли и сверху, отъ такого замѣчательнаго дѣятеля этого времени, какъ царь Зара-Якобъ, центральная фигура абиссинской исторіи. Его реформаторская дѣятельность оставила навсегда замѣтный слѣдъ въ эіопской церкви, и его преемники могли только идти по его слѣдамъ и удерживать то доминирующее положеніе въ церкви, на которое окончательно возвелъ царскую власть Зара-Якобъ. Синаксарь занесъ на свои страницы, какъ имя этого царя, такъ и имена всѣхъ его преемниковъ, кончая Клавдіемъ, ограничиваясь только упоминаніемъ и саламомъ¹⁾. Исключеніе сдѣлано, кромѣ Клавдія, для **Марьямъ-Еебры**, супруги царя Наода, о которой говорится, что она „занималась духовными дѣлами, преуспѣвала во всѣхъ добродѣтеляхъ, подъяла много бореній и исполнила святой монашескій уставъ Дабра-Либаноса, гробницы отца нашего Такла-Хайманота“²⁾. Это

¹⁾ Sapeto, Viggio e missione, p. 438—444.

²⁾ Duensing, o. c. p. 30 sq. (Только въ геттингенскомъ и тюбингенскомъ спискахъ).

свидѣтельство важно для насъ, какъ новое доказательство близости дабра-либаносской обители къ придворнымъ сферамъ. — Самому **Зара-Якобу** подъ 3-мъ эпагоменъ (29 декабря) различные списки синаксарей удѣляютъ различные по величинѣ замѣтки. Редакціи, переведенныя Дюнсингомъ¹⁾, ограничиваются только упоминаніемъ объ успеніи царя „православнаго, апостольскаго, установившаго во всѣхъ областяхъ своего царства хорошіе законы для поведенія“, тогда какъ сообщенная Сапето²⁾ даетъ гораздо больше, перечисляя заслуги царя въ пользу церкви, останавливаясь на заботахъ его объ искорененіи суевѣрій, распространеніи христіанскаго ученія и даже упоминая „Книгу Свѣта“.

Изъ другихъ дѣятелей эпохи мы располагаемъ житіемъ двухъ преподобныхъ — Такла-Марьяма или Маба-Сіона и Такла-Сіона, а также сравнительно рѣдкимъ явленіемъ агіологии — житіемъ мірянина **Амда-Микаэля**, военачальника у Зара-Якоба и его преемниковъ. Это житіе имѣется въ парижскомъ и нѣсколькихъ лондонскихъ синаксаряхъ подъ 3 хедара (30 октября). Къ сожалѣнію, извѣстій объ этомъ святомъ мы не находимъ въ параллельныхъ историческихъ текстахъ, что, конечно, не даетъ еще права заподозривать его достовѣрность. Приводимъ текстъ синаксарнаго сказанія въ переводѣ.

Преставленіе св. *Амда-Микаэля*, военачальника царей Эіопіи: Зара-Якоба и Баэда-Марьяма и Александра. Отецъ этого святого былъ Клавдій, имя матери — Елисавета. Они были богаты стяжаніемъ и вѣрой и родили этого святого въ праздникъ 4-хъ животныхъ и дали ему имя Амда-Микаэль. И году отъ рожденія онъ приползъ въ пустоту корабля церкви (karsa hamar za-bëta Kr.) св. Михаила и сидѣлъ три дня, причемъ не знали этого родители его и считали его мертвымъ и пребывали въ плачѣ. И потомъ когда священникъ потребовалъ кадила изъ корабля церкви, нашель младенца сидящимъ тамъ безъ страха; на землѣ не было

¹⁾ o. c., p. 31.

²⁾ o. c., XVIII (p. 438 sq.).

грязи. И онъ понесъ его родителямъ его оттуда; они обрадовались весьма, что онъ найденъ, и онъ сталъ расти въ премудрости и знаніи, пока цари не поставили его управителемъ и судьей надъ всѣми дѣлами дома своего, и онъ сдѣлался отцомъ бѣдныхъ судомъ и милостью, и обновилъ всѣ церкви своимъ иждивеніемъ, и преслѣдовалъ утѣснителей и злодѣевъ во дни свои и разорилъ всѣ города язычниковъ направо и налево молитвою и постомъ и помощію святыхъ, такъ что они подчинились царямъ и принесли дань. И сердце сего св. Амда-Микаэля было богобоязливо, и онъ не ѣлъ безъ призванія имени святыхъ, и не пилъ безъ молитвы, и не проводилъ дня безъ омовенія водой молитвы, и употреблялъ все имущество свое на милостыню. И когда увидѣлъ Богъ совершенство его, опредѣлилъ спасеніе души его. И оклеветали его злые люди царю, чтобы убить его, и царь пощадилъ его, ибо весьма любилъ его, и едва, когда они надѣли ему рѣчами своими, связалъ его и послалъ въ дальнюю страну съ великою опасностью. И Михаилъ Арх. помогалъ ему и принесъ ему хлѣба и сосудъ, чтобы онъ ѣлъ и пилъ, и обѣщалъ ему рай сладости. И когда онъ захотѣлъ приобщиться Св. Таинъ, онъ спустилъ ему съ неба и приобщилъ его. Потомъ согласились клеветники, привели его во дворъ царя и убили. И въ эту ночь пришелъ туда одинъ монахъ богобоязливый, чтобы видѣть тѣло его и встрѣтилъ трехъ монаховъ, кадившихъ тѣло его. И онъ говорилъ и клялся Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, что не лжетъ относительно этого. Другіе видѣли свѣтильникъ, спускавшійся съ неба надъ нимъ въ теченіе многихъ дней. Царь же, вспомнивъ его добродѣтель, проклялъ убійцъ его, и отдалъ приказъ не помянуть его имя худо, и повелѣлъ погребсти его съ честью въ гробницѣ отцовъ его, и установилъ память его, почтилъ и любилъ весьма дѣтей его. Когда потомъ царь Лебна-Денгель услышалъ о завѣтѣ отца своего Баэда-Марьяма, велѣлъ перенести его въ Атронса-Марьямъ и погребсти тамъ въ царской гробницѣ, да будетъ ему память“.

Это перенесеніе мощей отмѣчено въ синаксаряхъ подъ 29 сене ¹⁾, какъ двойное при Александрѣ, а потомъ при Лебна-Денгелѣ. „Отцомъ“ послѣдняго названъ Баэда-Марьямъ конечно въ широкомъ смыслѣ. Приведенное житіе является интереснымъ дополненіемъ къ хроникамъ.

¹⁾ Dillmann, Catal. Bodl., p. 63.

Маба-Сіонъ (Mabā'a-Sjon) или Такла-Марьямъ.

Житіе этого преподобнаго находится въ началѣ рукописи № 1 коллекціи лэди Меухъ въ Лондонѣ, занимая въ ней первыхъ 86 листовъ, и издана Budge ¹⁾ болѣе роскошно и менѣе тщательно, чѣмъ слѣдуетъ. Особенно слѣдуетъ выставить на видъ неудовлетворительность англійскаго перевода и комментарія.

Неизвѣстный авторъ произведенія не имѣлъ въ виду дѣлать изъ своего труда только житіе, онъ его озаглавилъ: „книга памяти Спасителя, читаемая каждый мѣсяцъ предъ лицомъ святыхъ церкви, которую (т.-е. книгу) Онъ открылъ блаженному Маба-Сіону ради спасенія даннаго вѣрнымъ, и какъ камень соблазна для иномудрствующихъ. Чтущему праздникъ сей, силою креста защита да будетъ“... Далѣе мы читаемъ: „слушайте всѣ, собраніе христіанское, умами сердечными и творите память смерти Спасителя нашего Иисуса Христа“... Т.-е. книга была назначена для чтенія въ церкви въ ежемѣсячный праздникъ страстей, который носитъ въ святцахъ названіе „madhane-alam“, справлялся 27-го числа ²⁾, и установленіе котораго приписывается въ житіи Маба-Сіону. Житіе этого святого, написанное однако съ точки зрѣнія его дѣятельности въ этомъ направленіи, и составляетъ главное содержаніе книги.

Время жизни святого—эпоха царя Зара-Якоба, было, повидимому и временемъ составленія житія, во всякомъ случаѣ написано оно въ скоромъ времени по смерти святого. Авторъ ссылается на рассказы современниковъ его и очевидцевъ его подвиговъ, а на f. 69-v отказывается называть по имени „одного“, удостоившагося священнодѣйствовать на небесахъ со

¹⁾ Lady Meux, Manuscript № 1. The Lives of Mabâ Séyôn and Gabra Krēstos. With 92 coloured plates and 43 illustrations. Lond. 1898.

²⁾ Булатовичъ, Отъ Энтото до р. Баро, стр. 168 сл.

святымъ въ видѣннн „пока онъ не переселился изъ тлѣннаго міра“.

Языкъ житія дѣйствительно мѣстами неясенъ; происходитъ ли это, какъ полагаетъ Budge ¹⁾ отъ того, что оно первоначально было написано по-арабски, я опредѣлить не могу.

Содержаніе житія имѣетъ центромъ культъ страстей Христовыхъ и тайнства Евхаристіи, который составлялъ особую заботу Маба-Сіона. Поэтому его жизнеописаніе останавливается преимущественно на фактахъ, имѣвшихъ отношеніе къ этому культу и на его чудесныхъ послѣдствіяхъ.

- f. 5. Отецъ святого—священникъ Хабта-Сіонъ отличался благочестіемъ и происходилъ изъ племени Самуила „старца“ ²⁾ изъ страны *Андагабтанъ* (Andagabtān) въ Шоа, мать—Сіонъ-Текунъ была долго неплодна; Маба-Сіонъ родился по молитвѣ; имя ему дано по обѣту. Еще въ раннемъ дѣтствѣ мальчикъ обнаружилъ религиозное настроеніе, присвоивъ себѣ икону Божіей Матери, оставленную въ домѣ родителей прохожимъ священникомъ, который потомъ, узнавъ отъ отца мальчика о любви его къ этой иконѣ, подарилъ ее ему. Отецъ научилъ его псалтири и „книгамъ закона“, онъ былъ поставленъ діакономъ, а потомъ его помѣстили въ монастырь *Бета-Марьямъ* Святого Іоанна изучать церковное пѣніе псалтири и *qnē* и уставъ. Монахи Симонъ и Абукиръ нашли неудобнымъ для него носить имя Маба-Сіонъ и назвали его въ честь Такла-Марьяма, настоятеля „мамхера и масфена“ („судьб?“) всего Андагабтана; „и сталъ онъ какъ бы близнецомъ: мамхеры называли его Маба-Сіонъ, а родные—Такла-Марьямъ“ (sic!). „И онъ изучилъ *qnē*, и всѣ книги премудрости, и наставленія, и постъ, и молитву, иконописаніе и письмо. И былъ совершенъ во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ“.
- f. 6. Уже здѣсь въ обители, Маба-Сіонъ сталъ выказывать особое благоговѣніе къ св. Евхаристіи, высосавъ кровь изъ пораненной ноги, только что приобщившагося мальчика, и потребивъ блевотину другого причастника.
- f. 7. Отецъ святого—священникъ Хабта-Сіонъ отличался благочестіемъ и происходилъ изъ племени Самуила „старца“ ²⁾ изъ страны *Андагабтанъ* (Andagabtān) въ Шоа, мать—Сіонъ-Текунъ была долго неплодна; Маба-Сіонъ родился по молитвѣ; имя ему дано по обѣту. Еще въ раннемъ дѣтствѣ мальчикъ обнаружилъ религиозное настроеніе, присвоивъ себѣ икону Божіей Матери, оставленную въ домѣ родителей прохожимъ священникомъ, который потомъ, узнавъ отъ отца мальчика о любви его къ этой иконѣ, подарилъ ее ему. Отецъ научилъ его псалтири и „книгамъ закона“, онъ былъ поставленъ діакономъ, а потомъ его помѣстили въ монастырь *Бета-Марьямъ* Святого Іоанна изучать церковное пѣніе псалтири и *qnē* и уставъ. Монахи Симонъ и Абукиръ нашли неудобнымъ для него носить имя Маба-Сіонъ и назвали его въ честь Такла-Марьяма, настоятеля „мамхера и масфена“ („судьб?“) всего Андагабтана; „и сталъ онъ какъ бы близнецомъ: мамхеры называли его Маба-Сіонъ, а родные—Такла-Марьямъ“ (sic!). „И онъ изучилъ *qnē*, и всѣ книги премудрости, и наставленія, и постъ, и молитву, иконописаніе и письмо. И былъ совершенъ во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ“.
- f. 9. Уже здѣсь въ обители, Маба-Сіонъ сталъ выказывать особое благоговѣніе къ св. Евхаристіи, высосавъ кровь изъ пораненной ноги, только что приобщившагося мальчика, и потребивъ блевотину другого причастника.

¹⁾ о. с., р. 3.

²⁾ Имѣется въ виду, я думаю, ветхозавѣтный пророкъ, явившійся впоследствии святому и назвавшій себя его отцомъ. Возводитъ своихъ святыхъ къ ветхозавѣтнымъ именамъ—явленіе обычное въ Абиссиніи; можно вспомнить, напр., Такла-Хайманота. Поэтому „of the tribe of Rabban Samuel“ Budge не имѣетъ смысла; Rabān здѣсь=заден Библии; въ Абиссиніи неизвѣстенъ титулъ раббанъ.

По окончаніи ученія Маба-Сіона хотѣли женить, но онъ объявилъ, что не вернется въ міръ, а посвящаетъ себя Спасителю и Богородицѣ и ссылаясь на слова Апостола Павла (Кор. I, 7, 32). „И отселъ онъ носилъ иго монашества, не садился на коня, ни на осла, ни на мула, не ложился на ложе, ни на подстилку, но на землю и прахъ, неся на груди своей камень; однажды ночью онъ привѣшивалъ (?) его на шею, днемъ—кладалъ на голову; когда стоялъ носилъ его на головѣ, когда дѣлалъ поклоны—на спинѣ; а величина этого камня—какъ ноша человѣка. И такъ дѣлалъ онъ всегда, кромѣ субботъ и праздниковъ; въ эти дни онъ пѣлъ, чтобы не отдыхало тѣло его, до конца праздника“.

Габра-Крестось, подвижникъ *Дамотскій*, „котораго Богъ посѣтилъ и наставилъ всему силою Св. Духа“, приглашаетъ къ себѣ Маба-Сіона, который проходитъ къ нему трехдневный путь въ одинъ день. Габра-Крестось рассказываетъ ему, что будучи по обычаю перенесенъ на облакъ въ Іерусалимъ, онъ видѣлъ и его тамъ и приобщался вмѣстѣ съ нимъ у гроба Господня раньше монаховъ. Маба-Сіонъ спросилъ у него о подвигахъ и уставахъ монашеской жизни. Габра-Крестось закончилъ свои наставленія словами: „будь іереемъ, и многіе спасутся благословеніемъ твоимъ и освятятся словомъ твоимъ; прежде всего будь твердъ въ любви ко Господу нашему Іисусу Христу“. Съ этими словами онъ его отпустилъ, и Маба-Сіонъ со многими монахами пошелъ къ митрополиту Гавріилу и былъ имъ рукоположенъ во священника. Немедленно онъ сталъ очевидцемъ чудесъ при совершеніи литургіи. Во время чтенія Евангелія въ теченіе трехъ дней онъ видѣлъ на дискосѣ бѣлаго агнца, превращавшагося послѣ возношенія въ хлѣбъ, а одинъ разъ ему явилась Божія Матерь въ слезахъ и приказала запретить причастникамъ потреблять св. дары зубами.

Затѣмъ Маба-Сіонъ посѣщаетъ монастырь—*matrix Дабра-Либанось*, „чтобы получить благословеніе отъ гроба отца нашего Такла-Хайманота. И сказалъ ему одинъ изъ святыхъ (т.-е. братіи), молившійся въ церкви въ день воскресный, когда священники пѣли службу (*qnē*) на пятидесятницу: „въ день праздника прославленія памяти его ¹⁾, я видѣлъ мужа украшеннаго и страшнаго—это былъ отецъ нашъ святой Такла-Хайманота. Когда онъ служилъ литургію, много іереевъ и діаконовъ его окружало. Онъ поманулъ Маба-Сіона и приобщилъ и поставилъ направо, а потомъ

¹⁾ Вѣроятно „его“, т.-е. праздника пятидесятницы, т. к. память Такла-Хайманота праздновалась 24 нахасе (17 августа), а день перенесенія мощей его—12 гентота=7 мая, что слишкомъ рано для совпаденія со днемъ пятидесятницы.

- f. 18. приобщилъ другихъ. „И услыхавъ это, онъ возрадовался, и возблагодарилъ Бога, и вернулся въ мирѣ въ страну свою“. Когда онъ однажды 29 текемта (26 октября) молился, стоя на высокомъ мѣстѣ, и скорбѣлъ, явился ему въ облакѣ его родоначальникъ Самуилъ, утѣшилъ и благословилъ его. 5-го хамле (29 іюня) явились ему Апостолы; Петръ даже приобщилъ его. И многіе другіе святые являлись ему. Онъ соблюдалъ всѣ праздники Господни, всѣ ежемѣсячные праздники воскресенія Христова („праздники Сына“) и воскресные дни („едину отъ субботъ“) и богородичные и увѣщевалъ народъ, говоря: „не равняйте праздниковъ святыхъ Господнимъ, ибо Онъ и Ангеловъ сотворилъ и святыхъ освятить“. Онъ устроилъ большія собранія на праздники и сказалъ собравшимся: „не будемъ ѣсть и пить, но отдадимъ часть Господа и часть Дѣвы Богородицы Маріи бѣднымъ и убогимъ и нуждающимся... Я бы хотѣлъ, чтобы мы давали половину, но мы не можемъ выдержать этого. Достаточно съ нихъ третьей части. И сказали всѣ собравшіе: „да, да будетъ“. Уже при первомъ примѣненіи этого обычая въ день Рождества Богородицы, монахи удостоились Ея явленія; Она послала св. Георгія за святыми, которые явились вмѣстѣ съ Господомъ и „превратили праздникъ въ небесный“.
- f. 20. Одинъ „украшенный дѣвствомъ“ рассказывалъ: „когда я шель въ *Бета-Марьямъ* на праздникъ Рождества Богородицы, встрѣтился я съ однимъ человѣкомъ. Онъ увелъ меня противъ воли въ домъ свой, и я пребывалъ тамъ. И въ полночь я увидалъ отверстыя градъ, полный святыхъ, украшенныхъ чистотою, и я стоялъ среди нихъ. Тогда разверзлись небеса и былъ великій страхъ. И спустилось облако, свѣтлое, какъ солнце, и на немъ вышелъ страшный младенецъ, вышедшій, какъ молнія надъ этими святыми! Бросился туда Маба-Сіонъ и схватилъ младенца; они обнялись и облобызались. Тѣ удивились и говорили: ради чего дана ему такая благодать? Нѣкоторые сказали; „за то, что онъ творилъ праздникъ Рождества Матери и угодилъ этимъ“. „Видя сіе, я скорбѣлъ, что не пришелъ къ тебѣ“. Видя и слыша сіе, Маба-Сіонъ радовался и приложилъ совершать праздники. Каждый мѣсяцъ онъ чтилъ величіе рождества ея, а 17 числа—ради чести вознесенія ея. И много знаменій и чудесъ совершено рукою его въ праздники Владычицы нашей Маріи“. Аскетическіе подвиги святого дѣлались все строже и строже. Онъ сталъ носить вериги на рукахъ, ногахъ, бедрахъ и чреслахъ; по постамямъ надѣвалъ подъ платье „мѣшокъ“ (saq), чтобы не было видно людямъ, ѣлъ полевую траву разъ въ три дня и стоялъ въ водѣ, такъ что отъ этихъ подвиговъ истомилась плоть его. Когда онъ выходилъ изъ кельи, свѣтлая звѣзда путеводила
- f. 21. f. 22.

- его къ водѣ. Однажды, когда онъ стоялъ въ водѣ, явился ему бѣсъ, но онъ сотворилъ крестное знаменіе, и явившійся агнецъ прогналъ демона. Въ день Рождества, когда онъ шель изъ своей кельи на праздникъ, ему явился Младенецъ и оставилъ для воспоминанія свою слюну на его плащѣ. Когда онъ отдалъ этотъ плащъ бѣдному, Спаситель чрезъ другого монаха замѣтилъ ему неприличіе этого поступка. Маба-Сіонъ въ горѣ пошелъ въ *Бета-Марьямъ* къ своему духовному отцу Тимону и исповѣдался. Тотъ рассказалъ ему о явленіи себѣ „въ третій часъ дня“ въ восточной части церкви, Богоматери съ Младенцемъ.
- Нѣсколько дней спустя Маба-Сіонъ рассказалъ одному діакону, взявъ съ него клятву властью Петра и Павла не передавать никому при его жизни о томъ, какъ онъ плакалъ, вспоминая о страданіяхъ Богоматери при крестѣ Христовомъ и удостоился ея явленія. Въ другой разъ онъ молился за тѣхъ, кого онъ благословляетъ и кто находитъ утѣшеніе въ его словахъ и вѣруетъ въ его молитву. Спаситель, явившись, общалъ ихъ помиловать и, подозревая къ себѣ, далъ ему отъ груди, чтобы уста и все существо его осолодились солью Божества. Чтобы отблагодарить за всѣ эти благодарѣнія, Маба-Сіонъ рѣшилъ избрать для себя какой-либо новый особенный праздникъ не изъ тѣхъ, которые уже и безъ того чтутся всѣми, и просилъ Бога указать ему такой. Ему былъ указанъ день распятія Господня и спасенія всего міра. Тогда онъ спросилъ у священниковъ, на какое число приходится этотъ день? Одни ему отвѣчали—на 29 магабита, другіе—на 27, а на 29—воскресеніе. Послѣдніе сослались на синаксаръ, на книгу Хедара съ помѣщенными въ ней постановленіями 318 отцовъ и на книгу объ Успеніи Богородицы. „И узнавъ это, онъ обрадовался, ибо нашелъ желанный прекрасный день, который не былъ приобрѣтенъ раньше, и который онъ приобрѣлъ болѣе (?) воспоминанія праведныхъ и мучениковъ. И онъ избралъ его, и возлюбилъ, и превознесъ, и возвеличилъ, и собравъ свою братію и сестеръ и всѣхъ чадъ своихъ, сказалъ имъ: „слушайте, что я рѣшилъ для приобрѣтенія вѣчной жизни въ царствіи небесномъ. Всѣ святые приобрѣли пользу душевную или постомъ, или воздержаніемъ, или трудами, или молитвою, или поклонами, или бдѣніемъ. Мы же, недостойные, потрудимся и будемъ творить память смерти Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и ради сего узримъ лице Божіе. Память смерти отцовъ нашихъ Апостоловъ совершается во дни ихъ, а память смерти Того, Кто сотворилъ, освятить, избралъ и возвеличилъ ихъ, не совершается, но только Его животноное воскресеніе. Если бы Онъ не умеръ за насъ, развѣ Онъ воскресъ бы?.. чѣмъ память смерти Господа нашего ниже па-
- f. 25. f. 26. f. 27. f. 28. f. 31. f. 33. f. 34.

- f. 35. мяти воскресенія Его?.. Я желалъ бы, чтобы не пахали, не торговали и не занимались ничѣмъ плотскимъ въ день праздника Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, но чтобы мы творили праздникъ въ плачѣ и рыданіи и стенаніи многомъ ради славнаго распятія Спаса нашего. И теперь послушайте и скажите мнѣ, вы, находящіеся со мною, чтобы намъ быть принятыми и найти прибѣжище и въ жизни и въ смерти“. И отвѣтили: „да будетъ! Да будетъ угодно Богу, какъ ты заповѣдалъ. Онъ далъ намъ тебя, какъ вождя въ царствіе небесное по пути правды“. Но наплись и такіе, которые осуждали ихъ за самовольное установленіе. Маба-Сіонъ тогда сказалъ своимъ послѣдователямъ: „не бойтесь враговъ, ибо мы представимъ имъ писанія. А если бы мы не могли отвѣчать имъ, то пусть они распнутъ и прободятъ меня ради того, что я чту смерть Господа нашего; да будетъ въ семь смерть наша. И умеръ ли Онъ за насъ, какъ мы говорили, 27-го магабита, или въ другой какой день, мы не знаемъ по днямъ, но Онъ знаетъ помышленіе наше и не уменьшитъ награды нашей и не возбранитъ намъ за невѣдѣніе наше. Будемъ тверды мыслию въ этомъ дѣлѣ до исхода души нашей изъ сего міра тлѣннаго“... Послѣ этого Маба-Сіонъ сталъ размышлять о распятіи и просилъ Бога показать его ему, чтобы онъ могъ съ большимъ чувствомъ совершать установленный праздникъ. И онъ былъ перенесенъ на Краніево мѣсто и видѣ Распятаго Господа повергъ его; отъ ужаса онъ сталъ, какъ мертвый, но Господь, сойдя съ креста, поднялъ его. Затѣмъ Онъ обѣщаль не оставлять его никогда за воспоминаніе Своихъ страстей. Готовясь къ наступающему празднику страстей, онъ самъ молоть, мѣсилъ и пекъ хлѣбы, рубилъ дрова и носилъ ихъ на плечахъ и головѣ, „уподобляясь Господу нашему, понесшему древо крестное, да спасетъ созданіе Свое“. „Раньше чадъ своихъ онъ зажегъ огонь, будучи іереемъ и учителемъ (mamher), онъ не хотѣлъ почета, но опоенный виномъ любви Сына Маріи, не обращался вспять, и сотворилъ праздникъ 27-го магабита со словословіемъ и постомъ, со священниками и діаконами, съ чистымъ кадиломъ и возношеніемъ молитвъ, насыщая алчущихъ и напоая жаждущихъ въ воспоминаніе смерти Спасителя. Онъ установилъ также собранія по мѣсяцамъ и распредѣлялъ ихъ по жребію и говорилъ: „подвизайтесь и трудитесь ради памяти смерти Бога вашего, пока не падетъ сила ваша“... И онъ усердно творилъ память Спасителя нашего¹⁾... Онъ творилъ память Спасителя въ третій день вмѣстѣ
- f. 37.
- f. 38.
- f. 42.

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ мѣсто, для меня совершенно непонятное и, вѣроятно, испорченное въ текстѣ. Вычисленія, приводимыя въ немъ, не только не-

съ Его воскресеніемъ, въ 6-й (?), въ 10, 20, 30 и 40 день, отсчитывая пока не дойдетъ до великаго пятка ежегодно сообразно тому, какъ приходится (?) каждый разъ день Его распятія. Будь это въ первый день (?) мѣсяца или во 2-й, или въ 3-й въ тотъ день, онъ творилъ память Спасителя каждый мѣсяць. И въ великій пятокъ онъ творилъ и говорилъ: „въ сей день распялся Господь и Спасъ нашъ Иисусъ Христосъ... страдалъ и умеръ за грѣхи людей“. Въ сей день пятка въ память смерти Его, каждый разъ онъ препоясывалъ чресла свои и преклонялъ колѣна и пекъ хлѣбы изъ чистой пшеницы, солилъ ихъ, дѣлалъ красивыми и благовонными и печаталъ знаменіемъ Креста, раздроблялъ и раздавалъ чадамъ церкви, и напоая чашею; и исцѣлялось много больныхъ, вкусивъ отъ этихъ хлѣбовъ... И стекались люди изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ, ожидая съ вѣрою вкусить отъ этихъ хлѣбовъ...“

Далѣе разсказывается шесть чудесъ, совершившихся благодаря этому „хлѣбу памяти“. 1) Исцѣлился ребенокъ отъ камня, сидѣвшаго въ горлѣ и мѣшавшаго глотать, и былъ посвященъ новому культу; 2) другой ребенокъ, посвященный этому культу, остался невредимъ въ горѣвшемъ домѣ; 3) надъ лежавшимъ въ сосудѣ тѣстомъ для хлѣбовъ съ медомъ наверху загорѣлся огонь и оставилъ содержимое сосуда невредимымъ; 4) неплодная родила, по вкушеніи хлѣба, двухъ сыновей и посвятила ихъ учрежденному Маба-Сіономъ культу; 5) одинъ монахъ, открывъ сосудъ, куда онъ положилъ кусокъ „хлѣба памяти“, увидаль вмѣсто него Богоматерь съ младенцемъ; 6) одинъ изъ богомольцевъ, захотѣвшій взять кромѣ данной ему Маба-Сіономъ части на трапезѣ послѣ литургіи другую самъ, захворалъ и исцѣлился только по молитвѣ Маба-Сіона уже послѣ смерти его. Онъ не ушелъ отъ гроба святого, но постригся въ его монастырѣ.

Приношенія, предназначенныя для праздника Спасителя—ладанъ, вино, елей, хлѣбъ и соль, святой клалъ отдѣльно и не вкушалъ ихъ никогда, даже если бы ему грозила голодная смерть. Изъ всего, что онъ приобрѣталъ для этого праздника, а также для Рождества, Воскресенія Христова и Рождества Богородицы, онъ рѣшилъ отдѣлять половину для бѣдныхъ, какъ „часть Вожію“; это было съ его стороны данью Небесному Царю; подобною приносимою царю земному со стороны областей. Эту часть онъ имѣлъ всегда на столѣ даже во время путешествія, и не вкушалъ ничего, не давъ сначала бѣднымъ. Предъ наступленіемъ мѣсячнаго праздника Спа-

понятны, но противорѣчатъ f. 57, гдѣ говорится о ежемѣсячномъ празднованіи 27 числа.

- f. 56. сителя онъ цѣлую недѣлю постился и молился, не насыщалъ чрева, не спалъ, и такъ плакалъ, что увлажнялъ землю слезами, и у него разболѣлись глаза. Тогда ему явилась Божія Матерь съ чашей въ видѣ хрустального бокала и испѣлила его глаза, помазавъ изъ этого сосуда. Во время св. сорокастницы онъ наносилъ себѣ ежедневно по 100 ударовъ, а на страстной седмицѣ—по 200, пока наконецъ не пошла изъ спины его кровь и онъ не лишился чувствъ. Его оживилъ явившійся Младенецъ, вдохнулъ въ него духъ Свой и сказалъ: „будь святъ и благословенъ, ибо ты страдалъ ради страстей Моихъ и смерти Моей, и пролилъ кровь твою ради пролитія крови Моей честной, то Я возлюблю тебя, какъ ты возлюбилъ Меня, и не отступлю отъ тебя; любящій тебя любить и Меня, обнимающій тебя обнимаетъ Меня, ненавидящій тебя будетъ ненавидѣть Меня и Пославшаго Меня, да будутъ они, какъ иудеи, распявшіе Меня. Въ день исхода души твоей Я не дамъ тебя другому, но самъ приму Тебя, какъ и всякаго, кто придетъ къ тебѣ и прибѣгнетъ къ молитвѣ твоей, кто получитъ благословеніе рукою твоею, кто будетъ призывать имя твое вблизи или вдали; клянусь, что помилю Я, Исусъ, Мною Самимъ и Марією Матерію Моею и общаю тебѣ моимъ неложнымъ и не неправымъ обѣтованіемъ... Кто будетъ творить память мою хлѣбомъ, чашей или давъ свѣтильникъ для церкви... Я насыщу того до 12-го рода... Всѣ живутъ отъ вѣры, безъ вѣры нѣтъ спасенія, пророки, апостолы и мученики стали праведны вѣрою. И кто будетъ творить память Мою съ вѣрою, что онъ получить все это, къ чему я призвалъ, клянусь Отцомъ Моимъ и Сыномъ Его—Мною и Св. Духомъ, не ради Маба-Сіона, а ради распятія Моего, я сходилъ съ небесъ и праздновалъ съ нимъ“.—„И нынѣ празднуйте память Спасителя 27 числа cadaго мѣсяца во вѣки вѣковъ Аминь“. Въ день Богоявленія святой пошелъ на рѣку крестить народъ, и видѣлъ Господа и всѣхъ святыхъ, „пришедшихъ“ изъ пустынь, горъ, пещеръ и затворовъ на облакахъ и вѣтрѣ и огненныхъ колесницахъ. Вода раздѣлилась на двѣ части—огненную и водную; въ первую вошелъ Господь и крестился, потомъ крестилъ Маба-Сіонъ и двухъ другихъ святыхъ, и велѣлъ ему крестить остальныхъ. Стоя на молитвѣ онъ увидалъ Младенца, Который далъ ему длинный золотой крестъ. Онъ сталъ просить объ избавленіи изъ ада душъ, крещенныхъ во имя Христово. Младенецъ позволилъ ему идти въ адъ и вывести оттуда столько душъ, сколько окажется возможнымъ. Души облѣпили его со всѣхъ сторонъ, какъ пчелы, и онъ вышелъ съ ними изъ ада.
- f. 64. Однажды онъ пошелъ въ *Дамотъ* на праздникъ Воздвиженія Креста.
- f. 57. хода души твоей Я не дамъ тебя другому, но самъ приму Тебя, какъ и всякаго, кто придетъ къ тебѣ и прибѣгнетъ къ молитвѣ твоей, кто получитъ благословеніе рукою твоею, кто будетъ призывать имя твое вблизи или вдали; клянусь, что помилю Я, Исусъ, Мною Самимъ и Марією Матерію Моею и общаю тебѣ моимъ неложнымъ и не неправымъ обѣтованіемъ... Кто будетъ творить память мою хлѣбомъ, чашей или давъ свѣтильникъ для церкви... Я насыщу того до 12-го рода... Всѣ живутъ отъ вѣры, безъ вѣры нѣтъ спасенія, пророки, апостолы и мученики стали праведны вѣрою. И кто будетъ творить память Мою съ вѣрою, что онъ получить все это, къ чему я призвалъ, клянусь Отцомъ Моимъ и Сыномъ Его—Мною и Св. Духомъ, не ради Маба-Сіона, а ради распятія Моего, я сходилъ съ небесъ и праздновалъ съ нимъ“.—„И нынѣ празднуйте память Спасителя 27 числа cadaго мѣсяца во вѣки вѣковъ Аминь“. Въ день Богоявленія святой пошелъ на рѣку крестить народъ, и видѣлъ Господа и всѣхъ святыхъ, „пришедшихъ“ изъ пустынь, горъ, пещеръ и затворовъ на облакахъ и вѣтрѣ и огненныхъ колесницахъ. Вода раздѣлилась на двѣ части—огненную и водную; въ первую вошелъ Господь и крестился, потомъ крестилъ Маба-Сіонъ и двухъ другихъ святыхъ, и велѣлъ ему крестить остальныхъ. Стоя на молитвѣ онъ увидалъ Младенца, Который далъ ему длинный золотой крестъ. Онъ сталъ просить объ избавленіи изъ ада душъ, крещенныхъ во имя Христово. Младенецъ позволилъ ему идти въ адъ и вывести оттуда столько душъ, сколько окажется возможнымъ. Души облѣпили его со всѣхъ сторонъ, какъ пчелы, и онъ вышелъ съ ними изъ ада.

- На пути, на какомъ-то рынкѣ *Warwar* онъ увидалъ много людей. Остановившись на отдыхъ, онъ заснулъ и увидалъ во снѣ Младенца, который не отвѣтилъ ему на просьбу помиловать этихъ людей. Онъ сталъ скорбѣть и пошелъ въ мѣстность *Jekēdnā*, гдѣ увидалъ во снѣ праздникъ Св. Креста въ присутствіи Господа, Ангеловъ и святыхъ. Явилась женщина, подобная солнцу, которую назвали ему Маскаль-Кебра, и которая просила, согласно завѣту у Бога, помиловать для нея тѣхъ, кто пришелъ на память ея, принеся дары во имя ея, вѣруя въ нее и надѣясь на Бога. Богъ обѣщаль ей помиловать всѣхъ, кромя двухъ людей, находившихся наканунѣ на рынкѣ, потомъ, обратившись къ Маба-Сіону, сказалъ ему то же. Въ этотъ день у него прибавилось много новыхъ учениковъ. Одинъ монахъ искалъ его и спрашивалъ у всѣхъ, гдѣ Такла-Марьямъ изъ Шоа. Когда ему удалось его найти, онъ сказалъ, что шелъ изъ области *Абаггай* (*Abaḡḡāj*) три дня, услышавъ голосъ, который повелѣвалъ ему идти на праздникъ честнаго Креста, чтобы встрѣтить Такла-Марьяма, который долженъ утѣшить его въ печали о грѣхахъ. Маба-Сіонъ его исповѣдалъ, благословилъ, и онъ вернулся домой. Святой также возвратился въ свою страну, и на пути молился о спасеніи ради памяти смерти Христовой различныхъ городовъ, имена которыхъ онъ называлъ. Господь явился ему съ Богоматерью и далъ ему завѣтъ относительно этихъ городовъ и м. пр. сказалъ, что онъ спасетъ мужей *Гафатъ* (*Gāfāt*) и получить ихъ въ даръ. „Именъ другихъ городовъ, говоритъ авторъ, „мы не называемъ, чтобы они не тщеславились“. „Блаженный Такла-Марьямъ дивился относительно Гафатъ, которыхъ Богъ обѣщаль ему и говорилъ: „когда они увѣруютъ и крестятся при жизни моей, или по смерти? „Потомъ онъ всталъ и пошелъ къ *Гā'езз* (*Gā'z'ē*) 22-го якатита въ понедѣльникъ, и встрѣтилъ на пути многихъ *гафатцевъ* по волѣ Божіей, вышедшихъ къ царю *Зара-Якобу*, чтобы облагодѣтельствоваться у него, ибо они крестились и увѣровали во имя Троицы въ этотъ день. Когда они увидали святого, они побѣжали и спѣшили къ нему и, подойдя, сказали: „благослови насъ“. Онъ спросилъ ихъ: „вѣруете ли вы во Христа, Бога моего, чтобы мнѣ благословить васъ?“ Они сказали: „да, вѣруемъ“, и онъ благословилъ ихъ cadaго въ отдѣльности. И опять они сказали ему: „да будетъ наречено намъ имя (? у насъ нѣтъ священника, чтобы дать намъ имя. Крести насъ и будь намъ отцомъ утѣшителемъ“. Онъ сказалъ имъ: „Христосъ да будетъ вамъ отцомъ, и вотъ, я родилъ васъ, благословивъ рукою моею“. И сказавъ это, онъ вспомнилъ завѣтъ, который далъ ему Господь...“ 12-го хелара (8-го ноября) въ четвергъ, въ Михайловъ день („въ день поставленія
- f. 65.
- f. 67.
- f. 68.
- f. 69.

Михаила“) онъ молился о томъ, „чтобы узнать достояніе отца своего“. И вотъ Арх. Михаилъ вознесъ его на крыльяхъ „въ Іерусалимъ небесный и тамъ показалъ ему отца, который былъ вмѣстѣ съ 24 старцами небесными. И когда должна была начаться небесная литургія, Господь повелѣлъ служить ее на среднемъ престолѣ аввѣ Гонорію, а по бокамъ—отца святого и еще одного, „имени котораго мы не назовемъ, пока онъ не переселится изъ сего тлѣннаго міра. Нельзя рассказать и о другомъ, что было съ отцомъ святого Маба-Сіона“. По окончаніи литургіи Господь причислилъ и Маба-Сіона къ 24 старцамъ. Потомъ Маба-Сіонъ изъ великой любви къ Господу захотѣлъ понести страсти Его. Но язвы на рукахъ и ногахъ были открыты постороннему взору, и онъ вбилъ камнемъ два острыхъ шила въ свои колѣна. Почувствовавъ страшную боль, онъ заплакалъ, и сталъ призывать Бога. Господь явился ему, прикоснулся къ язвамъ его, исцѣлилъ ихъ и сказалъ: „кто будетъ лобызать твои колѣна или прикасаться къ нимъ, получить избавленіе и спасеніе и оставленіе грѣховъ, и много душъ спасется; гдѣ они станутъ, будетъ милость, куда пойдутъ—освященіе городовъ и полей. Я прикоснулся рукою Моею къ нимъ, чтобы они сдѣлались причастниками страданій Моихъ“. Потомъ Богъ восхищалъ его на небо, показывалъ ему рай и бездну. Въ послѣдней онъ увидалъ много людей, о которыхъ ему было сказано, что „это тѣ, которые злословили царя *Зара-Якоба*“. Потомъ онъ увидалъ въ облакѣ двухъ коней, которые должны были везти въ Іерусалимъ его и царя *Зара-Якоба*. Онъ сказалъ: „какъ могу я грѣшный быть наравнѣ съ солнцемъ вѣры, царемъ правымъ *Зара-Якобомъ*?“ Ему отвѣтилъ Богъ: „ибо вы направили мысль вашу къ любви къ Богу вашему“. 14-го якатита, какъ рассказывалъ самъ Маба-Сіонъ, явился ему Спаситель и показалъ веревку, которой его связывали іудеи. Святой облобызалъ ее, надѣлъ на шею и хотѣлъ сдѣлать своимъ матабомъ и опоясаніемъ. Но Спаситель сказалъ: „не можетъ она оставаться у тебя, Я принесъ ее только, чтобы показать тебѣ“. 27-го (?) магабита въ ночь на воскресенье „Осанны“ явился Господь съ Матерію и Ангелами; ради памяти величія смерти Своей онъ собралъ іереевъ и кадильницы, и земное превратилось въ небесное. И возлюбилъ Господь нашъ Маба-Сіона ради памятованія смерти Своей, которое имъ передано. И Онъ Самъ посвятилъ блаженнаго, какъ посвятилъ Онъ Стефана архидіакона и Михаила архангела и св. Іоанна по чину ихъ; и было три чина возношенія въ трехъ престолахъ, и діаконовъ, говорилъ онъ, служившихъ тамъ, я знаю. По окончаніи литургіи онъ позвалъ меня, поставилъ предъ собою и сказалъ мнѣ: „раньше Я далъ тебѣ даръ, и

f. 70.

f. 71.

теперь опять даю даръ и завѣтъ. Въ день совершенія тобою памяти Моей каждый мѣсяцъ Я помилюю для тебя 5000 душъ, а 340—въ пятюкъ ради распятія Моего помилюю Я тебѣ, а тебя украшу одеждой изъ золота и жемчужины и вѣнцомъ чистымъ и свѣтлѣйшимъ солнца“. Затѣмъ по просьбѣ Маба-Сіона Господь повторилъ Свое обѣщаніе относительно тѣхъ, которые будутъ чтить память святого и прибѣгать къ его молитвѣ. Это Онъ подтвердилъ клятвою Своею честною Кровію. Послѣ этого на просьбу Богоматери Господь обѣщаль помиловать еще для Маба-Сіона въ каждый праздникъ ея по 5000 душъ. „Спросили мы“, прибавляетъ отъ себя авторъ, „ради чего дано это тебѣ отъ Бога? Ради твоего поста или ради молитвы? Онъ сказалъ намъ: „не за подвиги мои, но по великой милости Своей далъ Онъ мнѣ въ даръ 7000 душъ (sic!) на каждый день Свой, и кромѣ того была у меня малая молитва, которую Онъ любилъ болѣе всѣхъ молитвъ моихъ, и ради нея выводилъ Онъ для меня изъ ада 50 душъ каждый день Свой. Благословенно царство Его во вѣки вѣковъ“. И это рассказывалъ онъ не только тому, кто написалъ эту книгу, но также тремъ мужамъ, когда они вмѣстѣ спрашивали его; изъ нихъ одинъ священникъ и два діакона. И раньше, чѣмъ онъ говорилъ вѣрующимъ въ него, какъ посѣтилъ его Спаситель, Евангеліе (sic!) сказало: при угѣтѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь“ (2 Кор. 13, 1). И вотъ, многіе святые были свидѣтелями, какъ показалъ имъ Духъ Святой. И когда восхотѣлъ Богъ взять его къ себѣ и упокоить отъ трудовъ сего міра, пришелъ къ нему одинъ монахъ и сказалъ: „я видѣлъ въ воздухѣ три скакавшихъ мѣсяца. Спустившись ко мнѣ, они превратились въ святыхъ и сказали мнѣ: „скажи Такла-Марьяму: готовься, ибо приблизился день переселенія твоего изъ міра сего“. И услыжавъ, онъ сказалъ: „да будетъ воля Бога моего. Какая надежда для меня на землѣ, кромѣ памяти смерти Спасителя? Я хочу идти въ градъ свѣтлый, въ наслѣдіе святыхъ“. И затѣмъ пошелъ онъ въ *Дабра-Марьямъ*, привѣтствовалъ всѣхъ святыхъ и рассказалъ имъ обо всемъ случившемся. Утѣшенный ими, онъ былъ отлученъ въ мирѣ, и съ тѣхъ поръ прошло три мѣсяца, которые приняли подобіе святыхъ; въ 1-й мѣсяцъ (?) въ 22 день (?) было его усненіе. Послѣ этого на 7 день онъ собиралъ всѣхъ чадъ своихъ и сказалъ имъ: „пребывайте въ любви Божіей и заповѣдяхъ Его“. И наставивъ ихъ многому, онъ сталъ смотрѣть вверхъ, на небо. И спросили его: „что ты видишь?“ Онъ отвѣчалъ: „крутыя и дивныя сѣни и свѣтильники, и святыхъ свѣтлыхъ, столпившихся тамъ“. Когда онъ сказалъ это, они плакали о тѣлѣ его и радовались о духѣ его, и знали, что святые спустились на

f. 72.

f. 73.

встрѣчу ему. И снова сказалъ онъ: „то, что внутри вершинъ—свѣтлѣ солнца“. И когда онъ говорилъ, сіяло лицо и все существо его, и онъ предалъ духъ Господу нашему Иисусу Христу 21-го числа мѣсяца Текемъ. И было дней 74 года. Послѣ 47 года онъ сталъ діакономъ (?), на 9-й годъ послѣ этого сдѣлался монахомъ, потомъ на 9-й годъ—священникомъ, затѣмъ на 9-й годъ упокоился въ мирѣ“.

Слѣдуетъ послѣсловіе, въ которомъ авторъ еще разъ увѣряетъ въ достовѣрности сказанія и въ томъ, что онъ записалъ не все то, что видѣлъ и слышалъ.

- f. 81. Далѣе идетъ часть книги, представляющая особый трактатъ о помертвой славѣ Маба-Сіона, написанный въ подражаніе апокалиптическимъ произведеніямъ и озаглавленный: „откровеніе повѣствованія о Такла-Марьямъ, которое открылъ ему (кому?) Богъ сообразно тому, какъ распредѣлилъ обители всѣмъ святымъ Единый Агнецъ, какъ заповѣдалъ Ему Господь Его. Въ каждомъ домѣ ихъ—Его благовоніе, и помощникъ ихъ всѣхъ—Святый Духъ, Крѣпкій, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь“. Прежде всего разсказывается чье-то видѣніе 10 небесныхъ домовъ изъ золота и жемчужинъ. Надъ среднимъ домомъ была сѣнь съ длиннымъ крестомъ наверху, сіявшимъ какъ солнце; съ зонтика сѣни спускалась золотая бахрома; противъ трехъ входовъ дома спускались три золотыхъ нитки. Архангелъ Михаилъ открылъ двери, и въ домѣ оказался престоль, скрытый свѣтлымъ облакомъ, съ сидящимъ на немъ отрокомъ-монахомъ. На вопросъ видѣвшаго, кто это, ангелъ сказалъ: „духъ Маба-Сіона. Господь нашъ помѣстилъ его здѣсь... и когда Ему угодно, призываетъ его и бесѣдуетъ съ нимъ“. Кромѣ того въ домѣ было три бѣлыхъ тельца единосущныхъ; но ангелъ не объяснилъ, кто они, „а святыя премудрыя объясняютъ и говорятъ, что это Троица—ихъ естество. „Въ 1-й день эпагомень этотъ самый монахъ видѣлъ „отца своего“ (вѣроятно Маба-Сіона) во второмъ небѣ вмѣстѣ съ сонмомъ святыхъ, сидѣвшихъ на коняхъ; причемъ самъ Господь далъ ему одѣяніе свѣта. Будучи затѣмъ восхищенъ и на третье небо, онъ увидѣлъ тамъ мужа радостнаго, сіявшаго свѣтлѣе солнца, которому Господь далъ величіе и много дорогихъ одеждъ, сказавъ: „давай, кому хочешь“. И онъ далъ отроку (Маба-Сіону?) драгоценный камень, но тотъ не принялъ, ибо раньше получилъ отъ Бога коней и одѣяніе свѣта. Тогда Богородица вручила ему свѣтоносный крестъ и сказала: „прими отъ него“. И онъ принялъ. „И сей податель открылъ мнѣ, что сказалъ Господь нашъ Іоанну Sankoris (?). Потомъ онъ увидалъ чернаго змѣя, влачимаго черными людьми; за ними шелъ
- f. 82.

большой пестрый телець, а за нимъ черные воины съ луками и стрѣлами. Господь велѣлъ Михаилу послать агнца ко всѣмъ ангеламъ, которые въ мірѣ, и не касаться людей такихъ-то городовъ святыхъ, ихъ дѣтей и городовъ. Тогда подошелъ къ Михаилу монахъ, противникъ отрока, и предложилъ вести агнца и черныхъ къ монахамъ разныхъ городовъ, кромѣ шести (?) монастырей. И онъ пошелъ ко граду отрока. Господь разгнѣвался, зачѣмъ онъ ведетъ туда, гдѣ, какъ онъ знаетъ, совершается память смерти Его. Онъ велѣлъ связать и бить этого завистника-монаха, причемъ плакали чада его. Это было 1-го маскарма, а на другой день облекли отрока въ золото. На 10-й день Богоматерь умолила за монаха подъ условіемъ, что онъ не будетъ повторять своего поступка; если же повторитъ, то все его достояніе и чады его получить отрокъ. Его разрѣшили, а отрокъ, павъ предъ престоломъ Божіимъ, умолилъ объ удаленіи отъ его града агнца, черныхъ и тельца. Господь сдѣлалъ это ради памяти смерти Своей. На другой день Господь, по напоминанію Богородицы, исполняетъ свой завѣтъ клятвою дать ему вывести изъ ада во время литургіи 30 тыс. душъ за культъ смерти Своей и ради Богородицы. Божія Матерь, явившись въ видѣ луны, сказала, что „воины мрака окружили домъ памяти ея“. Это „войны чумы“, намазавъ стрѣлы ядомъ, осаждали домъ, но молнія попала на нихъ, а домъ остался подъ деревомъ. Далѣе описывается борьба „отрока“ со змѣемъ, выведеннымъ ангелами изъ земли. Богъ далъ ему вооруженіе изъ золота и серебра съ крестомъ; знаменіе креста погрузило змѣя въ преисподнюю. Повѣствованіе заканчивается прославленіемъ всѣхъ послѣдователей культа страстей. Предъ престоломъ Господнимъ, въ присутствіи небесныхъ силъ и „отрока“, на ихъ головы возлагаются вѣнцы; на „отрока“ возлагается вѣнецъ изъ кристалла, сіяющій больше солнца“; онъ объявляется отцомъ всѣхъ послѣдователей; это вызываетъ неудовольствіе древнихъ святыхъ, которыхъ останавливаетъ Господь, указывая на культъ смерти своей, и преподобный Антоній Великій. Наконецъ Господь при клятвѣ своими страданіями даруетъ Маба-Сіону еще половину всѣхъ живущихъ грѣшниковъ.

Хронологія житія опредѣляется именемъ царя Зара-Якоба. Кромѣ него въ житіи упоминается еще митрополитъ Гавріиль, рукоположившій Маба-Сіона во священника. Какъ извѣстно, на четвертый годъ царствованія Зара-Якоба въ Абиссинію прибыли три іерарха: митрополиты Михаилъ и Гавріиль и

f. 83.

f. 84.

f. 85.

епископъ Іоаннъ ¹⁾. Михаилъ умеръ раньше другихъ и оставилъ первенство Гавріилу. Какъ были между ними, при жизни всѣхъ трехъ, распределены функціи, намъ неизвѣстно, а потому мы не можемъ сказать, рукоположилъ ли Гавріиль Маба-Сіона уже въ качествѣ первоіерарха Эѳіопіи, или до смерти Михаила. Судя по счисленію житія, (надо замѣтить вообще, спутанному и ненадежному ²⁾), это рукоположеніе произошло за 9 лѣтъ до кончины святого. Пережилъ ли онъ Зара-Якоба? Еслибы мы имѣли всѣ основанія довѣрять датамъ рукописи, то пришлось бы отвѣтить на это утвердительно. На листѣ 71 мы находимъ упоминаніе о праздникѣ „Осанны“, т.-е. недѣлѣ Вай, пришедшемся на 27 магабита, т.-е. 23-е марта; слѣдовательно пасха въ тотъ годъ должна падать на 30-е марта. Просматривая Гротенфовы таблицы ³⁾, мы находимъ подъ этимъ числомъ Пасху только въ 1483 году. Впрочемъ, въ рукописи стоитъ собственно 26-е магабита⁴⁾; Vudge исправляетъ на 27-е на томъ основаніи, что въ текстѣ упоминается о приготовленіяхъ къ празднику Страстей, справлявшемуся 27-го числа каждаго мѣсяца. Но приготовленія должны начаться и раньше. Если „26“ рукописи вѣрно, то дѣло мо-

¹⁾ Намъ совершенно непонятна ошибка проф. Дилльманна и Гвиди, которые называютъ годомъ поставленія Михаила 1454 (Catalog. Cod. Mus. Brit. 26. Guidi, Le Liste des Metropol. 9, n. 2). Le-qui-en на котораго они ссылаются, приводятъ выписку изъ Renaudot съ упоминаніемъ 1154 года мучениковъ = 1437 по Р. X., а въ своихъ словахъ допустилъ простую опечатку 1454 вм. 1154. Между тѣмъ, 1437 какъ разъ совпадаетъ съ даннымъ XXII-й рукописи Брит. Муз. (Dillmann, l. c.) по которой 7-й годъ Зара-Якоба = третьему году іерарховъ по ихъ прибытіи въ Эѳіопію и, вѣроятно, четвертому по ихъ посвященіи въ Каирѣ: 1434 + 7 - 4 = 1437.

²⁾ Прежде всего, напр., бросается въ глаза прямое противорѣчіе. Вначалѣ житія какъ-будто выходитъ, что святой сдѣлалъ діакономъ еще мальчикомъ, на л. 73 говорится, что на 47 году жизни. Совершенно непонятны вычисления праздника Страстей на л. 42. Постоянная путаница въ знакахъ (правда, весьма схожихъ) для 6 и 7 п. т. и.

³⁾ Grotefend, Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Hannover, 1891, I, Taf. XXX—XXXI.

жетъ идти еще о годахъ, когда пасха приходилась на 29-е марта, т.-е. 1472 и 1467; послѣдній приходится еще на время Зара-Якоба (1434—1468).

Интересно также имя аввы Абукира, давшаго новое имя Маба-Сіону при его отдачѣ въ монастырь для обученія ¹⁾. Въ хроникѣ царя Баэда-Марьяма упоминается дважды Абукирь, мамхеръ Эндагоабтанскій. Въ первый разъ мы его встрѣчаемъ въ качествѣ утѣшителя Баэда-Марьяма и ходатая за него предъ отцомъ его Зара-Якобомъ, разгнѣваннымъ за почтеніе сыномъ памяти замученной по подозрѣнію матери ²⁾; въ другой разъ рассказывается о его смерти въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другими монахами сопровождалъ царя въ походъ ³⁾. Возможно, что этотъ Абукирь тождественъ съ нашимъ, а его Эндагоабтанскій монастырь и есть Бѣта-Марьямъ нашего житія. Въ послѣднемъ, впрочемъ, едва ли есть основаніе сомнѣваться, и наше житіе говоритъ о немъ, какъ о наиболѣе важномъ и извѣстномъ въ Андагоабтанѣ. Что эти оба имени варианты одного и того же, обязанные можетъ быть палеографической неисправности, а м. б. и амхарскому произношенію,

¹⁾ f. 7.

²⁾ Perruchon, Les Chroniques de Zar'a-Yäeqöb et de Ba'eda-Maryâm. Par. 1893 (Bibl. de l'école pr. des Hautes Études 93 fasc.), p. 107.

³⁾ Ibid. p. 134. Изъ того, что въ этомъ мѣстѣ упоминается о смерти его въ землѣ Даго, Дилльманъ (Zara-Jacob, p. 39, пр. 1) дѣлаетъ заключеніе, что Эндагоабтанъ „ein Kloster in Dago“, это же повторяетъ и Conti Rossini въ своемъ Catalogo dei nomi propri. Но прежде всего Эндагоабтанъ—не монастырь, а область; Абукирь называется мамхеромъ его въ томъ же смыслѣ, какъ 12 мамхеровъ дабра-либаносскихъ называются мамхерами различныхъ областей; это нѣчто вродѣ нашихъ благочинныхъ монастырей. Затѣмъ, Даго было мѣстомъ кончины Абукира, а не мѣстомъ его дѣятельности: онъ сопровождалъ царя, который въ своихъ походахъ прибылъ и въ Даго (р. 132) и отсюда, отпустивъ монаховъ, пошелъ въ Доб'а. Но Абукирь занемогъ и не могъ воспользоваться отпускомъ; онъ умеръ, предсказавъ царю славное потомство, и попросивъ его не забывать своей обители. Узнавъ о его кончинѣ, царь велѣлъ отправить его тѣло „въ его страну“.

сомнѣнію не подлежитъ ¹⁾. Географическое положеніе области Андагабтанъ можетъ быть опредѣлено съ достаточной степенью точности на основаніи хроники Сисиннія, одно мѣсто которой рассказываетъ о походѣ его еще въ качествѣ царевича изъ Годжама въ Хадью, между прочимъ такимъ образомъ: „онъ перешелъ рѣку Абави и пошелъ въ землю, именуемую Гуагуата и перезимовалъ тамъ. По прошествіи зимы, перваго маскарاما, въ Ивановъ день онъ поднялся и пошелъ къ Хадьѣ...; идя онъ перешелъ рѣку Гударь, засталъ половодье и перешелъ вплавь со своими, и вошелъ въ землю Эндагабтанъ“ ²⁾. Такимъ образомъ, эта страна находилась противъ Годжама, по ту сторону Абая на лѣвомъ (?) берегу его притока Гудара ³⁾. Съ этимъ вполне согласуется трехдневный путь какъ въ Дамоть ⁴⁾, такъ и въ Абажгай, другую сторону ⁵⁾, а также близость къ его области Гафатъ, лежавшей на Абаѣ ⁶⁾.

Итакъ, мѣстомъ подвиговъ Маба-Сіона была область къ югу отъ Нила въ Шоа. Монастырь Бета-Марьямъ аввы Іоанна, гдѣ онъ получилъ воспитаніе и гдѣ имѣлъ своего духовника, повидимому, не былъ постояннымъ его мѣстопребываніемъ; онъ проводилъ большую часть времени въ пустынѣ за аскетическими подвигами. Тождественъ ли съ этимъ монастыремъ Дабра-Марьямъ, посѣщенный святымъ предъ смертью, неизвѣстно; можно также предположить, что это дамотская оби-

¹⁾ Уважу хотя бы на то, что имя этой страны въ берлинскомъ экземплярѣ „Книги Свѣта“ читается Endagabtān (Dillmann, Zar'a-Jacob, 39), а въ коллекціи d'Abbadie—Andagabtan (Catalogue rais. d. Mss. Ethiop., p. 83).

²⁾ Pereira, Chronica de Susenyos, rei de Ethiopia (Lisboa, 1892), гл. 14,32—15,6 (p. 31 sq.).

³⁾ Это можно заключить изъ другого мѣста той же хроники (L, 70), гдѣ область Гуагуата оказывается по лѣвую сторону р. Валака.

⁴⁾ f. 12.

⁵⁾ f. 67. Cf. Pereira, o. c., L, 115, изъ чего видно, что эта область въ томъ же районѣ, гдѣ и Гуагуата.

⁶⁾ f. 68.

тель, гдѣ онъ получилъ постриженіе. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Маба-Сіонъ получилъ монашество отъ представителей дабра-либаносскаго устава: паломничество ко гробу духовнаго родоначальника этого ордена было его первой задачей по пріятіи сана. Такла-Хайманотъ самъ является принять новаго сына и пріобщаетъ его раньше своихъ чадъ ¹⁾. Ученика его—Гонорія святой видитъ совершающимъ небесную литургію на главномъ престолѣ ²⁾.

Характеръ жизни и дѣятельности Маба-Сіона вполне соответствуетъ мѣсту и времени, въ которыхъ ему пришлось жить. Эндагабтанъ въ знаменитой „Книгѣ Свѣта“ царственного реформатора упоминается въ числѣ областей, зараженныхъ языческими суевѣріями „вслѣдствіе недостатка священниковъ, которые бы учили богопочитанію“ ³⁾. Неудивительно поэтому, что сосѣдняя страна Гафатъ оказалась совершенно нехристіанской, неудивительно также и тѣ странности, которыя мы встрѣчаемъ въ дѣятельности святого. Прежде всего насъ поражаетъ уже то обстоятельство, что само житіе ставитъ его рядомъ съ Зара-Якобомъ. И дѣйствительно, они работали въ одномъ и томъ же направленіи. Уже самое главное дѣло Маба-Сіона, послужившее главной темой для его жизнеописанія—культъ Страстей Христовыхъ и установленіе ежемѣсячнаго праздника въ честь ихъ, является какъ бы развитіемъ и дополненіемъ праздничныхъ нововведеній Зара-Якоба. Что праздникъ этотъ до сихъ поръ существуетъ въ южной Абиссиніи—на это намъ указываетъ календарь, составленный поручикомъ Булатовичемъ во время его пребыванія въ Шоа ⁴⁾. Мы находимъ у него подъ 27 числами мѣсяцевъ

¹⁾ f. 17.

²⁾ f. 69. Объясненіе Budge: „I. e. the Emperor Honorius“—конечно ошибочно.

³⁾ Dillmann, Zar'a-Jacob, p. 39.

⁴⁾ Отъ Энтото до рѣки Баро. Отчетъ о путешествіи въ юго-западные области Эіопской имперіи. Спб. 1897, стр. 163 сл.

„Мадхани-Алемъ—праздникъ спасенія міра“; подъ 27 текемта даже прибавлено къ этому „Аба Текла-Маріамъ“. Последнее обстоятельство наводитъ на мысль, не описка ли въ рукописи (л. 73), извѣстіе о кончинѣ Маба-Сіона (Такла-Марьямъ) 21-го текемта? Въ календарѣ Булатовича находимъ еще одну интересную подробность—ежемесячные праздники Воскресенія Христова, называемые тамъ „Баале Уальдъ — праздникъ Сына“—совершенно такъ же, какъ и въ нашей рукописи. Подобно своему царственному современнику, Маба-Сіонъ за-прещаетъ во дни установленнаго имъ праздника работать ¹⁾, подобно ему, онъ ищетъ для него обоснованія въ quasi отеческихъ авторитетахъ ²⁾. Обосновывая необходимость праздника и доказывая важность, онъ какъ бы имѣетъ въ виду „Книгу Свѣта“, установившую ежемесячные праздники въ честь святыхъ и, въ частности, Апостоловъ. Онъ какъ бы дополняетъ допущенный ея авторомъ пробѣлъ. А его увѣщаніе соблюдать праздничные масштабы и не равнять Господнихъ праздниковъ съ памятями святыхъ, вполне идетъ къ духу этой желавшей быть догматически педантичной, но безсильной въ этомъ отношеніи эпохи. Бессиліе ея видно и изъ нашего житія. „Хлѣбы памяти“ безъ возношенія равняются святымъ дарамъ и пресуществляются; Маба-Сіонъ, будучи священникомъ, сподобляется еще какихъ-то новыхъ степеней священства; Спаситель клянется своими тѣломъ и кровію и т. п., тысячи душъ грѣшниковъ освобождаются изъ ада чисто магическимъ путемъ и т. д. Всѣ эти и подобныя чисто-эіопскія monstra

¹⁾ f. 34 сл.

²⁾ f. 33 v. Замѣчу, что „Book of Khadar“, которую Budge объясняетъ какъ „A Section of the Synaxarium“, есть „Книга мѣсяца Хедара“, нѣчто вроде ноябрьской четы-минеи (Wright, Catal. CCLV, Orient. 691; въ Кіевѣ есть фрагментъ ея; см. мою статью: Эіопскія рук. при Кіевск. Дух. Акад. *Зап. Вост. Отд. Арх. Общ.* XII, 066). Восьмая статья этой книги заключаетъ въ себѣ разсужденіе Севира Ашмунейскаго о 1-мъ всел. соборѣ; вѣроятно, его имѣетъ въ виду нашъ текстъ.

въ связи съ наивными и не всегда изящными чудесами и видѣніями указываютъ на глубокой упадокъ абиссинскаго христіанства за время смутъ и варварскихъ вліяній, и въ тоже время не особенно далеки отъ Таамра-Марьямъ, усердно распространявшейся Зара-Якобомъ. Утрировка, эта отличительная черта эіопскаго благочестія, нашла себѣ въ данномъ случаѣ выраженіе въ странномъ съ православной точки зрѣнія культѣ Страстей, проявившемся въ формѣ, какъ это ни странно, напоминающей Франциска Ассизскаго. Но эіопъ не ждетъ явленій прекраснаго серафима: онъ самъ наноситъ себѣ язвы распатія въ такое мѣсто, которое не нуждалось въ особыхъ заботахъ для сокрытія ¹⁾. Но это не единственная точка соприкосновенія у двухъ подвижниковъ, представителей столь различныхъ расъ и культуръ. Оба они были проникнуты особеннымъ благоговѣніемъ къ Страстямъ Христовымъ, къ таинству Евхаристіи, ученію о пресуществленіи, Кресту, Божіей Матери ²⁾; оба отличались любовью къ бѣднымъ и нищелюбіемъ; оба имѣли свои праздники, которые справляли съ особенной любовью и торжественностью ³⁾. Но если западно-римскій Францискъ видѣлъ во всемъ этомъ подготовку къ практической дѣятельности, выразившейся въ созданіи цѣлой организаціи во славу церкви, то эіопскій подвижникъ въ самомъ аскетизмѣ и культѣ находилъ цѣль жизни и средство спасенія не только собственнаго, но и тысячъ своихъ послѣдователей. Онъ также заботится о собраніи чего-то вроде братства, но вся дѣятельность послѣдняго ограничивается культомъ Страстей Христовыхъ и передачей его изъ поколѣнія въ поколѣніе.

¹⁾ Про Франциска тоже сказано, что онъ свои Stigmata „modis omnibus quibus poterat abscondere satagebat“. *Acta Sanctorum*, L, 706, 709 cf. 778.

²⁾ Amor in Christum crucifixum, in Sacramentum Eucharistiae, in Virginem Matrem etc. Ibid. 766, 798 et pass.

³⁾ У Франциска—Рождество Христово. Замѣтимъ еще одну черту—явленіе Превѣчнаго Младенца. A. S. 770.

Нѣкоторые намеки разбираемаго житія указываютъ намъ на то, что церковныя нововведенія, шедшія съ высоты престола и находившія себѣ поддержку и развитіе въ кельяхъ подвижниковъ, не оставались безъ протеста. Что иначе быть не могло, понятно уже à priori, какъ въ виду крутости реформъ суроваго царя, такъ и принимая въ соображеніе мелочность абиссинскихъ монаховъ, легко распадавшихся изъ-за несущественныхъ тонкостей на толки и секты. Уже хроника говоритъ намъ, что во время своего пребывания въ Дабра-Берханъ „царь нашъ Зара-Якобъ утвердилъ все установленіе царства, и было тамъ казнено много людей, а другіе были заключены, ибо творили неправое на Бога и на Помазанника Его“¹⁾. Наше житіе помѣщаетъ этихъ „хулителей царя“ въ аду. Но „хулители“ были не только у царя—и Маба-Сіону приходилось имѣть дѣло съ голосами, раздававшимися противъ его новшества (f. 35). Странное апокалиптическое прибавленіе къ житію даетъ намъ понять, что эти голоса не умолкли и послѣ его смерти, что находились среди абиссинскаго монашества „противники и завистники“, которые были готовы вредить братству Маба-Сіона всякими средствами. Я думаю, что въ разсказѣ объ агнцѣ, змѣѣ и черныхъ стрѣлкахъ, а можетъ быть и въ сказаніи объ осажденномъ домѣ мы имѣемъ такъ сказать тератологическую проэекцію событій, подобныя которымъ столь часто въ болѣе понятной и естественной формѣ излагаются на страницахъ хроникъ болѣе поздняго времени. Распри абиссинскихъ монаховъ изъ-за догматическихъ и ритуальныхъ мелочей, ихъ „смятенія“, обыкновенно оканчивавшіяся кровопролитіями, наполняютъ собою всю исторію этой несчастной страны съ конца XVII вѣка; вполне возможно, что и въ болѣе раннее время было немногимъ лучше.

Разсказъ житія объ обращеніи Гафатцевъ, судьба кото-

¹⁾ Ferruchon, o. c. p. 73. Dillmann, o. c. 25.

рыхъ должна была быть близкой святому уже вслѣдствіе того, что они жили недалеко отъ его родины, также вѣрно передаетъ стремленіе эпохи и ея главнаго дѣятеля — Зара-Якоба къ распространенію христіанства. Насколько въ данномъ случаѣ его успѣхъ былъ проченъ, мы не знаемъ, можемъ только сказать, что еще португальцы передаютъ мнѣніе о Гафатѣ, какъ о іудеяхъ, не имѣвшихъ ни синагогъ, ни книгъ¹⁾.

Тагла-Сіонъ.

Житіе этого преподобнаго имѣется пока только въ одной рукописи Add. 16,257 старой коллекціи Британскаго музея; здѣсь оно помѣщено за житіемъ Тагла-Хайманота и уже извѣстнымъ намъ сказаніемъ пересенія мощей его²⁾. Рукопись эта переписана на бумагѣ по порученію Крапфа и крайне плоха³⁾. Переписчикъ былъ неумѣлый, дѣлалъ на каждомъ шагѣ описки и ошибки; часто онъ самъ же испра-

¹⁾ См. Pereira, Susneyos II, 282. Въ рукоп. XXXIII Бодлеянской библиотеки есть м. пр. словарь языка Гафатъ и переводъ на него Пѣсней (Dillmann, Catal., Bodl. p. 82—83).

²⁾ См. стр. 13—17.

³⁾ Описана Dillmann'омъ въ его Catalogus codicum orientalium Musei Britannici, p. III, p. 50. Въ подерочномъ примѣчаніи дается самое краткое содержаніе житія, а въ текстѣ авторъ привелъ первыя его строки въ оригиналѣ, причемъ не сообщилъ конца этого вступленія, имѣющаго своеобразный интересъ. Вотъ онъ: „Начинаемъ съ помощію Божіею описаніе подвиговъ и жизни блаженнаго и избраннаго человѣка Божія Тагла-Сіона дѣвственнаго и чистаго, совершившаго свои подвиги добръ и упокоившагося въ мирѣ 7-го числа мѣсяца нисана, т. е. мѣзья (2-го апрѣля)“. Далѣе, читаемъ курьезное: „благословеніе его молитвы да будетъ съ рабомъ его Крапфомъ Лувисомъ Иоанномъ, и съ нами. Аминь“. Это пожеланіе, повторяющееся исправно послѣ каждого зачала, наилучшимъ образомъ характеризуетъ успѣхъ протестантской пропаганды виртембергскаго методиста даже среди его окружающихъ, которые, конечно, были увѣрены, что оказываютъ ему великую услугу, поручая его молитвамъ своего святого, и что онъ поручилъ имъ копировать рукопись, конечно, изъ желанія участвовать въ тѣхъ благихъ послѣдствіяхъ этого богоугоднаго дѣла, какія неизбѣжно обѣщаются въ каждомъ житіи, не исключая и даннаго.

влялъ ихъ, но большею частью онъ оставлялъ безъ исправленія; иногда онъ писалъ поправленное слово вслѣдъ за ошибочнымъ, не вычеркнувъ послѣдняго. Мѣстами текстъ прямо непонятенъ. Все это дѣлаетъ пока невозможнымъ полное изданіе памятника и даже затруднительнымъ связанный переводъ его. Впрочемъ, для нашихъ цѣлей, въ послѣднемъ нѣтъ особенной необходимости. Житіе принадлежитъ къ числу наиболѣе шаблонныхъ и весьма мало дающихъ для историка. Подобно большинству другихъ, оно предназначено для чтенія въ церкви въ день памяти святого, и распадается на главы или зачала, начинающіяся: „слушайте отцы и братія мои“, „слушайте возлюбленные мои“, „слушайте что мы повѣдаемъ вамъ“, „и паки, послушайте и т. д. Соотвѣтственно такой проповѣднической формѣ, и содержаніе интересуется, главнымъ образомъ, аскетическими подвигами и чудесами, мало чѣмъ отличающимися отъ извѣстныхъ изъ другихъ житій.

Въ общемъ, содержаніе это слѣдующее.

- f. 2. Послѣ обычныхъ вступленій авторъ сообщаетъ о родителяхъ святого. Они назывались Бакуэра-Сіонъ («Первенецъ Сіона») и Фаръ-Марьямъ («Плодъ Маріи»); «были изрядны и праведны, и жили оба въ законѣ и уставѣ Иисуса». Сынъ ихъ получилъ хорошее воспитаніе дома, а съ наступленіемъ соотвѣтствующаго возраста, отданъ мамхеру, подъ руководствомъ котораго «выучилъ псалтырь Давида и пѣсни пророческія и священныя Писанія, вдохновенныя устами Божиими, и былъ совершенъ во всякомъ законѣ церкви». Потомъ его, какъ это было обычнымъ, сдѣлали діакономъ «и онъ сталъ пѣть и оглашать міръ»; онъ рѣшается порвать съ міромъ и не склоняется на просьбы и совѣты родныхъ относительно брака; скрывается даже въ пустыню, когда тѣ затѣяли пиръ съ цѣлью упривавать его. Соорудивъ себѣ малую келью близъ церкви, онъ начинаетъ свои аскетическіе подвиги, молясь день и ночь, вкушая только по субботамъ и воскресеньямъ овощи, плоды и коренья, кладя поклоны, не позволяя себѣ никогда ложиться, повторяя псалтырь и просыпаясь ночью 12 разъ для чтенія пѣсни пѣсней по 12 разъ и богородичныхъ обоихъ образцовъ по 7 разъ. Пробывъ нѣкоторое время въ этихъ подвигахъ, онъ пошелъ къ архіерею просить благословенія на принятіе мона-
- f. 3.
- f. 4.

шества. Архіерей сказалъ ему: «благое намѣреніе у тебя, чадо; Господь да совершитъ тебя и да укрѣпитъ творить волю Свою; будь послушенъ какъ Антоній и Макарій». Получивъ разрѣшеніе и благословеніе отъ митрополита, Такла-Сіонъ съ радостью вернулся въ келью, а затѣмъ окончательно покинулъ свою родину и пошелъ «обозрѣвать монастыри и горы», пока не остановился на Дабралибаносской обители. Здѣсь онъ «благословился отъ святыхъ старцевъ и просилъ ихъ испытать его для принятія иночества». Одинъ изъ нихъ, прозорливецъ, сказалъ ему: «ступай, чадо въ *Бета-Марьямъ, монастырь Аввы Иоанна*, и тамъ исполни это, и ни въ чемъ не будешь нуждаться». Такла-Сіонъ идетъ туда, на пути встрѣчается съ блаженной Еленой «и они стали бесѣдовать о величій Божіемъ. И сказалъ ей Такла-Сіонъ: «мать моя, что мнѣ дѣлать, ибо находясь среди родныхъ, я боюсь, что найдетъ на меня искушеніе сатаны?» Она отвѣчала: «чадо, не иди никуда, кромѣ *Дабра Явхадаль* (D. Jawhadal) т. е. Бета-Марьямъ, ибо открылъ мнѣ Богъ, что тамъ Онъ избереетъ тебя». Вернувшись послѣ этого въ свою келью, святой окончательно покидаетъ ее послѣ годичнаго пребыванія въ ней, и въ полночь тайно уходитъ, не взявъ ничего, кромѣ одежды и псалтыря. Прибывъ въ Бета-Марьямъ, онъ былъ принятъ тамъ аввой Өомой и старцами. «И полюбили его всѣ, и великіе и малые, какъ будто знали его прежде, и сдѣлали ему малую келью на мѣстѣ *Гехула* (Gehulā)». И спустя немного дней собрались монахи, привели его, сотворили надъ нимъ молитву и благословили его. Отецъ нашъ Өома взялъ святую схиму ангельскую, и камилавку, и поясъ, и облекъ его одѣяніемъ иночества, и благословилъ и сказалъ: «да укрѣпитъ тебя Господь, чадо, ко исполненію воли Своей, да сдѣлаетъ тебя крѣпкимъ на врага, да возможши противитися въ день лютей». Получивъ благословеніе отъ всѣхъ монаховъ и сподобившись пріобщенія св. таинъ, Такла-Сіонъ ушелъ въ свою келью и продолжалъ свои подвиги, совершенно не садясь 10 лѣтъ и не выпуская слюны «ради чести тѣла и крови Христовой, не остригая волосъ, не обрѣзая ногтей, не моя ногъ, и не говоря неправды и злословія. И не выходило изъ устъ его слово обиды и не воздавалъ онъ зломъ за зло, памятуя сказанное Господомъ нашимъ во Евангеліи: «любите враги ваша...» (Мѡ., 5, 44).

Вскорѣ слухъ о подвигахъ его сталъ распространяться и дошелъ до «отца нашего» Такла-Марьямъ, когда тотъ находился въ *земль Сефъ* (Sef). Онъ написалъ къ нему о своемъ желаніи повидаться съ нимъ и просилъ его молитвъ. Такла-Сіонъ молится: «услыши меня Господи, услышавшій Давида, когда тотъ бѣжалъ отъ лица Авессалома, сына своего, и кото-

f. 5.

f. 6.

f. 9.

f. 10.

- раго Ты вернулъ снова на престолъ царствія его, когда онъ плакалъ предъ Тобой. И меня, раба Твоего, услыши, Господи, о семъ отцѣ нашемъ Такла-Марьямѣ; дай ему благоволеніе у царя и верни въ благополучіи, и покажи мнѣ лицо его».—«И услышалъ Богъ молитву его, и далъ ему благоволеніе предъ царемъ, и тотъ почтилъ его великимъ почетомъ и отослалъ въ его монастырь. И по волѣ Божіей они встрѣтились и облабызались и бесѣдовали о величїи Божіемъ». Такла-Марьямъ м. пр. посоветовалъ стричъ волоса и ногти «ибо сіе для пустынниковъ» (?). Такла-Сїонъ повиновался «какъ сынъ отцу своему» и поступалъ такъ ежегодно «до дня упокоенія своего». Такла-Марьямъ, увидавъ смиреніе и послушаніе его, радовался и благословилъ его, какъ отецъ сына. Къ Такла-Сїону стали собираться люди изъ «ближайшихъ и дальнихъ мѣстъ»; онъ утѣшалъ ихъ въ печаляхъ, исцѣлялъ отъ болѣзней, женщинамъ облегчалъ роды или врачевалъ ихъ отъ безчадія. Грѣшникамъ давалъ совѣтъ, какъ бороться съ искушенїями, бесѣдовалъ съ ними ласково и кротко и располагалъ къ покаянію, для котораго отсылалъ къ духовнику. Приходили къ нему и монахи; также «изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ», и рассказывали свои помышленія и подвиги: поклоны, стоянія въ водѣ, витіе веревокъ и т. п. Такла-Сїонъ сдѣлался прозорливцемъ, могъ распознать праведнаго и грѣшника, а во время приобщенія—достойныхъ и недостойныхъ; о первыхъ радовался, о вторыхъ плакалъ. Являлись ему и ангелы «ибо онъ былъ равенъ имъ по чистотѣ». Такъ, однажды, явился ему ангель, когда онъ стоялъ на молитвѣ и повелѣлъ учить: «неужели ты хочешь спастись одинъ; Богъ далъ тебѣ власть учить и наставлять и повѣдать благодать Его. Обращай грѣшныхъ къ покаянію, да увеличится твоя цѣна отъ Вышняго». Преподобный повиновался, и съ этого дня «началъ учить и возвѣщать благодать Божію приходившимъ къ нему изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, наставлялъ и женщинъ, посылая къ нимъ письма, а въ лицо не видалъ ихъ, и не слышалъ ихъ голоса». «И насъ (говоритъ авторъ житія) наставлялъ онъ по окончанїи полуночной службы, сидя у порога дверей церковныхъ». «Со времени явленія ему Ангела до усненія своего, онъ не оставлялъ учить и наставлять великихъ и малыхъ, приходившихъ къ нему: неразумныхъ дѣлалъ премудрыми; тѣхъ, которые были преданы ѣдѣ и питію—постниками и воздержными. И уча, онъ не оставлялъ бдѣнія и пѣнія ангельскаго изъ-за ученія, но прибавилъ по утрамъ благодареніе, благословеніе, поклоненіе и молитву, умилостивляя за всю тварь, за людей и за животныхъ. И за церкви, да будутъ соблюдены въ мирѣ, и за царей, да дастъ имъ Богъ побѣды надъ врагами, и
- f. 11.
- f. 12.
- f. 13.
- f. 14.
- f. 15.

- онъ заповѣдывалъ всѣмъ людямъ не оставлять молитвы за царей. Особенно же (молился онъ) за сего царя Зара-Якоба, именуемаго Константиномъ, праведнаго и боголюбиваго и православнаго; и молитва сего избраннаго Такла-Сїонъ не была неразумна и холодна». «Когда онъ пѣлъ псалмы и пѣснопѣнія, молитва его была, какъ столпъ огненный, идущій отъ земли до неба безъ разрыва и восходящій къ престолу Вышняго». Самъ онъ рассказывалъ, какъ, однажды, войдя въ церковь, онъ былъ восхищенъ духовною колесницей на 7 локтей отъ земли, а также, что онъ былъ тамъ, гдѣ славословятъ 24 небесныхъ старца предъ престоломъ Вышняго, онъ славилъ и пѣлъ съ ними немолчно побѣдную пѣснь. За постоянное пѣніе псалтири и пѣсней пророческихъ Богъ спасалъ для него изъ ада души грѣшныхъ. Онъ самъ рассказывалъ, что видѣлъ мѣсто, гдѣ собрано множество этихъ душъ грѣшныхъ. «Ничего не хочеть отъ насъ Богъ, говоритъ онъ, кромѣ того, чтобы мы не злословили, не клеветали, не слудодѣйствовали, и не воровали и чтобы очистили себя отъ всякаго грѣха и постоянно каялись». За его чистоту явилась ему однажды Божія Матерь съ Младенцемъ и благословила его. Однажды пришелъ издалика старецъ-монахъ навѣстить его. Онъ узналъ объ этомъ раньше духомъ, повелъ его на ночь въ церковь, поставилъ на свое мѣсто и сталъ служить. Но изъ слѣдовъ его выходило пламя и монахъ не могъ стать на нихъ. Отъ строгаго поста и постоянныхъ подвиговъ «ноги его сдѣлались, какъ сопрѣвшее дерево, мозгъ вытекъ, носъ отказался служить; онъ не могъ стоять... Глаза помутились, зубы искрошились, лицо высохло, на ногахъ открылись язвы; онъ не могъ стоять на ногахъ прямо и ходилъ на пальцахъ и впалъ въ тяжелый недугъ». Онъ выносилъ страданія терпѣливо, и удостоился явленія Спасителя, облеченнаго въ свѣтоносное покрывало, заключившаго съ нимъ обычный въ житїяхъ завѣтъ, называвшаго его третьимъ послѣ Антонїя и Макарія и общавшаго дать въ наслѣдіе столько городовъ, сколько владѣній у девяти царей. Это видѣніе рассказалъ самъ преподобный своему другу—священнику. Однажды пришелъ къ святому одинъ князь (гѣ's) и сказалъ ему: «сдѣлай меня твоимъ сыномъ отче... Хочу я монашества, чтобы спастись отъ этого міра, ибо провелъ я дни мои въ ѣдѣ и питїи и утѣшенїяхъ (?), и теперь боюсь умереть безъ покаянія и низринуться въ адъ». Преподобный посоветовалъ ему обождать: «монашество не бываетъ поспѣшно; прежде испытай себя». Онъ исповѣдался у священника и ушелъ, попросивъ святаго не забывать его въ своихъ молитвахъ. Вскорѣ онъ попалъ въ заключеніе. Святой усугубилъ свой постъ и «всѣ члены его сдѣлались какъ сухая трава», молясь
- f. 16.
- f. 17.
- f. 18.
- f. 20.
- f. 21.
- f. 22.
- f. 23.

f. 24. за его избавленіе и написалъ къ одному отшельнику, прося помощи въ этомъ. Послѣдній отвѣтилъ, что это бесполезно: князь умеръ въ узахъ, а душа его будетъ отдана въ даръ святому, что и случилось: девять ангеловъ принесли ее ему. Однажды пришелъ навѣстить его монахъ издалека.

f. 25. Среди бесѣды онъ вдругъ ушелъ въ свою келью, заперся и долго въ ней молился, узнавъ духомъ, что въ это время умерла раба Божія Ферѣ-Марьямъ, съ которой онъ переписывался, руководя ея подвигами. Точно также провидѣлъ онъ, что въ городѣ, отстоявшемъ отъ его кельи на день пути, діаконы, служа, занимались празднословіемъ. Онъ написалъ къ нимъ

f. 28. и склонилъ ихъ къ покаянію и слезамъ. Отъ суроваго поста силы преподобнаго слабѣли все больше и больше: языкъ его былъ какъ бы сожженъ огнемъ, горло высохло, стужилось и говорилъ онъ съ трудомъ, внутренности сжались и онъ впалъ въ тяжелую болѣзнь. Когда всѣ монахи, великіе и малые, увидали, что онъ близокъ къ смерти, собрались къ нему и сказали: «отче, на кого покидаешь ты насъ? ты вѣдь былъ намъ отцомъ?» Собравъ силы, онъ сталъ говорить и сказалъ имъ: «знайте, отцы и братія, что съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ къ вамъ, я 20 лѣтъ отнюдь не видѣлъ лица женщины и не лежалъ на боку, не празднословилъ и не выходилъ изъ кельи никуда, кромѣ церкви, не ставилъ выше любви къ Богу ни отца, ни мать, ни друга, ни родственника, а въ городъ моею я жилъ 6 лѣтъ, трудясь Богу Господу моему подвигами и постомъ, и да не посрамитъ меня Богъ мой, согласно тому, какъ онъ общалъ мнѣ, когда мнѣ явился. «Итакъ, сказавъ, блаженный Такла-Сіонъ благословилъ всѣ дѣла этого города и другихъ городовъ и странъ, царей и судей... и почилъ въ мирѣ и славѣ 7 числа мѣсяца нисана, т. е. мѣзья. И приняли душу его свѣтлую ангелы при пѣніи и пѣсняхъ: «Аллилуіа». И днемъ успенія его былъ понедѣльникъ воскресенія Спаса нашего Иисуса Христа во время восхода солнца и возношенія даровъ. И по окончаніи литургіи возвѣстили народу обоюго пола, и тѣ, которые не были въ церкви въ этотъ день, собрались изъ всѣхъ городовъ и предѣловъ, услыжавъ о преставленіи человѣка Божія, чтобы получить его благословеніе. Спѣшили и мужчины, и женщины и произошла большая тѣснота, и погребли его съ пѣніемъ и пѣснями, и прочли священники 150 псалмовъ Давида, и пѣсни пророческія, и пѣснь Соломона и похвалы Владычицы нашей Маріи и 24 Павловыхъ посланія, и 7 апостольскихъ посланій и дѣянія и 4 Евангелія, и книгу апокалипсисъ и „Господь воцарися“. Все это отпѣли и многое (еще). Священники стояли долго, поя, отъ часа успенія его до девятаго. Когда всѣ эти славословія окончились,

f. 29.

они погребли его съ великой славой, и получили его благословеніе всѣхъ мущины и женщины, и вернулись по домамъ, радуясь и благодаря Бога...

И на 40-й день опять было знаменіе, и собрались мужи и жены изъ всѣхъ городовъ, и пришло множество монаховъ въ полночь составѣ, и они столпились у гроба человѣка Божія Такла Сіона, и произошла большая тѣснота. И всѣ они принесли дары и творили память его съ великой славой и пѣснопѣніемъ, и получили великую благодать, и многіе праведные, видящіе духомъ, говорили: „всѣ кто былъ въ день сей, унесъ великое благословеніе....“ Теперь укажемъ сколько онъ жилъ на землѣ. 20 лѣтъ съ отцомъ и матерью, раньше, чѣмъ положилъ начало подвигамъ; 7 лѣтъ по начатіи подвиговъ до монашества, и 20 лѣтъ, сдѣлавшись монахомъ. И было всѣхъ дней жизни его 40 (sic!) лѣтъ»....

f. 30.

Житіе относится къ тому же времени, что и предыдущее: едва ли мы ошибемся, если предположимъ даже существованіе между ними близкой связи. Бета-Марьямъ, монастырь аввы Іоанна, вѣроятно, тождественъ съ мѣстомъ воспитанія Маба-Сіона; самъ этотъ святой упоминается въ нашемъ житіи, какъ „абунъ Такла-Марьямъ“, ходившій, какъ мы знаемъ, къ Зара-Якобу. Что касается до упоминанія этого царя, то оно даетъ меньше, чѣмъ хотѣлъ извлечь изъ него Дильманнъ: изъ приведеннаго буквально мѣста видно, что въ немъ совсѣмъ не говорится, будто „*rex ipse auxilium ab eo petiisse dicitur*“. Оно представляетъ казенную фразу, встрѣчающуюся часто въ житіяхъ и желающую, какъ я думаю, сказать только то, что святой перечитывалъ обычныя копто-эіопскія ектеніи съ прошеніями о церкви, о царяхъ и т. п. Но извѣстію о томъ, что Такла-Сіонъ былъ современникомъ Зара-Якоба у насъ нѣтъ основаній не довѣрять, хотя наша редакція и можетъ быть составлена позже. А если это такъ, то житіе даетъ намъ исторію подвижника, ушедшаго въ молодыхъ годахъ отъ міра въ эту бурную эпоху государственныхъ и церковныхъ мѣропріятій, централизаціонныхъ стремленій, монофиситско-ортодоксальныхъ реформъ. При шаблонности гомилетическаго языка житія, мы, конечно, можемъ строить только болѣе или менѣе

вѣроятныя догадки относительно отдѣльныхъ его сказаній. Зачѣмъ ходилъ Такла-Марьямъ къ царю, и что обозначаетъ ссылка Такла-Сіона въ молитвѣ за него, на Давида и Авесалома? Не имѣются ли въ виду смуты этого времени, м. б. подозрѣнія царя на его сына и мать его, омрачившія послѣдніе годы его царствованія? Но видѣлъ ли онъ эти годы? Житіе называетъ днемъ его кончины понедѣльникъ Пасхи 7 мѣсяца, т.-е. 2-го апрѣля. Въ царствованіе Зара-Якоба Пасха приходилась на 1-е апрѣля въ 1442, 1453 и 1464 году; затѣмъ подъ этимъ числомъ она была только въ 1526 г. ¹⁾ Вѣрнѣе всего предположить, что годомъ смерти Такла-Сіона былъ 1464-й; при этомъ условіи онъ могъ быть значительно моложе Такла-Марьяма и относиться къ нему „какъ къ отцу“.

Судьба князя, искавшаго въ обители Такла-Сіона пристанища отъ тревоженій эпохи, является хорошей иллюстраціей ея; о сколькихъ вельможахъ, умершихъ въ узахъ, сообщаютъ намъ памятники этого времени. Впрочемъ, такіе случаи не рѣдкость во всей исторіи Абиссиніи.

Отсутствіе Такла-Сіона въ синаксаряхъ едва ли объясняется, какъ думаетъ Дилльманнъ, прославленіемъ этого святого уже по заключеніи полной редакціи синаксаря. Съ одной стороны житіе намъ говоритъ достаточно ясно, что чтить святого начали немедленно послѣ его кончины, съ другой стороны, въ синаксаряхъ встрѣчаются поздніе современники его. Кромѣ того, едва ли можно говорить объ окончательной редакціи синаксаря относительно абиссинскихъ святыхъ. Отсутствіе Такла-Сіона объясняется, скорѣе всего, его мѣстнымъ характеромъ. На это указываетъ и то, что Богъ общается съ нимъ „третьимъ послѣ Антонія и Макарія“. Только мѣстно-чтимый святой могъ въ своей области быть почитаемымъ наравнѣ съ главами монашества и выше такихъ свя-

тыхъ, какъ самъ Такла-Хайманотъ, основатель добра-либаносской конгрегаціи, къ которой принадлежалъ и монастырь Дабра-Явхадалъ и подвизавшійся въ немъ Такла-Сіонъ. Почему эта обитель усвоится „аввѣ Іоанну“ и почему настоятелемъ ея оказывается авва Θома, объясняется, я думаю, тѣмъ, что Іоаннъ былъ ея основателемъ, а Θома — современнымъ святому игуменомъ. О Еленѣ, встрѣченной преподобнымъ на пути, мы ничего не знаемъ, и въ синаксаряхъ ея имени нѣтъ.

¹⁾ Grotfend, o. c. p. 134.